

М Л А Д О С Т Ь.

Пьеса Л. Н. Андреева.

Краткое изложение пьесы «Младость».

Въ провинціальномъ городѣ живетъ хорошая и дружная семья Мацневыхъ: отецъ, банковскій чиновникъ, Николай Андреевичъ, его жена, Александра Петровна и трое дѣтей. Самый младшій Васька-Васюкъ, приготовишка; скромная и милая дочь Надя, оканчивающая гимназію, и старшій—студентъ Всеволодъ, серьезный, красивый и печальный юноша. Томимый неясною тоскою и молодыми сомнѣніями въ смыслѣ жизни, онъ рѣшаетъ покончить самоубійствомъ; его другъ офицеръ Нечаевъ, некрасивый и мало образованный, но романтически благородный человѣкъ, присоединяется во имя дружбы и недовольства личной своей жизнью къ его рѣшенію. Почти наканунѣ двойного самоубійства, умираетъ внезапно отецъ Всеволода, и эта смерть разрушаетъ мрачный плапъ друзей: ужасъ смерти и страдающа близкихъ, выведя юношу изъ круга личныхъ переживаній, рождаетъ сознаніе и чувство нерасторжимой и крѣпкой связи съ людьми и міромъ, пробуждаютъ чувство благоговѣнія передъ загадочной, но прекрасной жизнью. Кончается юность съ ея смутными томленіями и зовами и наступаетъ пора сознательной работы мысли.

Въ п е р в о й изъ предлагаемыхъ читателю сценъ «Смерть отца», дѣйствующія лица: жена умирающаго Мацнева, дочь Надя и докторъ Веревитинъ, добрый, нѣсколько опустившійся человѣкъ. Тетя Настя—сестра Мацнева, другъ всей семьи. Когда съ Мацневымъ случился ударъ, Всеволода не было дома, онъ отправился съ Нечаевымъ гулять за городъ и возвращается домой въ тотъ страшный моментъ, когда минуты жизни его отца уже сочтены.

В т о р а я сцена изображаетъ ту минуту тотчасъ послѣ похоронъ, когда взрослые и почтенные люди, родственники и друзья, сидятъ за поминальнымъ обѣдомъ, а молодежь собралась въ саду. Катя и Столярова—Падины подруги по гимназіи, Корневъ—гимназистъ.

Особое положеніе занимаетъ гимназистка Зоя Николаевна: въ нее влюблены оба друга, и Всеволодъ и офицеръ Нечаевъ, но въ борьбѣ великодушія уступаютъ ее, къ ея неудовольствію, другъ другу. Сама она любитъ Всеволода.

А в т о р ъ.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ, ПЕРВАЯ КАРТИНА.

С м е р т ь о т ц а .

Небольшая столовая въ домѣ Мацневыхъ, за нею маленькая, проходная комната съ угловымъ диваномъ и запертая дверь въ спальню, гдѣ лежитъ умирающій Мацневъ. Душная июньская ночь, оба окна въ столовой открыты. Беспорядокъ.

Тихо. Въ столовой сидитъ съ какой-то книгой, но не читаетъ Надя; одѣта простенько, по домашнему, лицо блѣдное, глаза заплаканы и припухли. Въ угловой комнатѣ, не освѣщенной, молча сидитъ Александра Петровна; о ея присутствіи въ первую минуту не догадываешься. Изъ спальни, осторожно пріоткрывая и закрывая за собою дверь, выходитъ тетя Настя, идетъ тяжело, согнувшись; на минуту останавливается передъ золовкой. Надя испуганно прислушивается, отстраняя волосы съ уха.

Т е т я. Саша, а Саша—ты прилегла бы. И чего ты сидишь? А?

Молчаніе.

Т е т я. Ивѣнъ Акпычъ сказалъ, что до утра никакихъ перемѣнъ не можетъ быть. Саша?

Не дождавшись отвѣта, тою же тяжелой походкой, согнувшись, проходитъ въ столовую; при свѣтѣ видно, что лицо ея также испугано и глаза заплаканы. Надя, вставъ, тревожно и съ готовностью смотритъ на тетку.

Н а д я. Ну что, тетя?

Т е т я. Ничего. Пойди, Надя, скажи Петру...

Н а д я. Сейчасъ!

Т е т я. Скажи Петру, чтобы льду помельче нарубилъ и принесъ.

Н а д я. Я знаю, тетя; больше ничего?

Т е т я. Ничего.

Надя быстро выходитъ. Тетя, опершись головой на руку, опустивъ глаза внизъ, стоитъ неподвижно до ея возвращенія по серединѣ столовой.

Н а д я. Онъ уже нарубилъ, сейчасъ принесетъ. А еще ничего не нужно?

Т е т я. Нѣтъ. Какъ Всеволодъ придетъ, скажи.

Н а д я. Хорошо, тетечка.

Той же тяжелой походкой возвращается въ спальню. На секунду останавливается передъ Александрой Петровной, и ничего не сказавъ, проходитъ. Отъ двери, уже взявшись за ручку, идетъ назадъ.

Т е т я. Надечка, а ты не ужинала? Поѣшь чего-нибудь.

Н а д я (быстро). Я не хочу, тетечка.

Тети уходитъ въ спальню. Надя на цыпочкахъ подходитъ къ двери въ угловую, боязливо выглядываетъ на мать и съ отчаяніемъ, прижавъ руки къ груди, возвращается на свое мѣсто. Прислушивается. Гдѣ-то сдержанные голоса. Быстро подходитъ къ двери и почти сталкивается съ вошедшимъ Всеволодомъ. Всеволодъ блѣдеетъ, волосы слегка прилипли къ мокрому лбу, по высокимъ запыленнымъ сапогамъ видно, что онъ гулялъ гдѣ-то за городомъ. Испуганъ, какъ всѣ.

В с е в о л о д ъ. Что съ напой? Мнѣ Петръ сказалъ. Что съ папой?

Н а д я. Севочка! (Плачетъ). Севочка!

В с е в о л о д ъ. Когда случилось?

Н а д я. Въ четыре, какъ разъ за обѣдомъ. Теперь онъ безъ сознанія, лежитъ на полу.

Всеволодъ. Почему на полу?

Надя. Тише, тамъ мама. Онъ проснитъ, чтобы его на полъ положили. Тамъ у него Веревитинъ. Севочка! (Плачетъ.)

Въ дверь нерѣшительно заглядываетъ Нечаевъ, также запыленный и испуганный.

Всеволодъ. Пустя, Надя, я пойду къ нему. Не плачь.

Идетъ. Навстрѣчу ему выходитъ изъ угловой, покачиваясь отъ горя и плача, Александра Петровна обнимаетъ его.

Александра Петровна. Отчего ты не приходилъ, Сева? Онъ звалъ тебя, отчего жъ ты не приходилъ? Какое у насъ горе, Сева, какое несчастье!

Всеволодъ. Mamочка! Mamочка!

Александра Петровна. Отчего ты не приходилъ?

Всеволодъ. Мы съ Нечаевымъ гуляли, были за городомъ. Мнѣ Петръ сказалъ. Mamочка! Я пойду къ нему.

Александра Петровна. Иди.

Всеволодъ быстро, но осторожно ступая, идетъ въ спальню, за нимъ медленно и все также пошатываясь плетется мать. Надя дѣлаетъ шагъ за ними, но останавливается и стоитъ въ позѣ отчаянія, приложивъ руки къ груди. Нерѣшительно входитъ Нечаевъ.

Нечаевъ. Надежда Николаевна! Какой ужасъ! Это я, это я. Мы гуляли съ Всеволодомъ, подходимъ къ дому, вдругъ чья-то лошадь стоитъ. Думали гости, и вдругъ Пегръ говорить... Какой ужасъ! Когда это случилось?

Надя. За обѣдомъ, мы обѣдали, въ четыре часа. Какое-то жаркое подали, а папа вдругъ улыбнулся и говорить, а у меня-то рука не дѣйствуетъ, должно быть Ко... Коидратинъ пришелъ, а Васька еще спрашиваетъ, какой Коидрагинъ? И вдругъ лицо перекошено и... Корнѣй Ивановичъ, голубчикъ, умереть папа! (почти громко плачетъ.)

Нечаевъ садится ея на стулъ, обнимаетъ, говорить со слезами.

Нечаевъ. Ну, Надечка, ну, голубчикъ, ну, бѣдная моя дѣвочка! Вѣдь еще ничего, еще можетъ обойдется. Николай Андреевичъ очень крѣпкій человѣкъ... Вѣдь это у него первый ударъ?

Надя. Первый. Иванъ Акимычъ говорить, что можетъ случиться второй. Кровь-то не пошла.

Нечаевъ. А можетъ и не будетъ. Разъ столько времени прошло, то второго можетъ и не случиться. Бѣдная вы моя дѣвочка! И какъ тутъ навѣрное перепугались, а мы, какъ на зло, гулять ушли...

Надя (немного успокаиваясь). Вы куда ходили?

Нечаевъ. Мы до самаго Покровскаго дошли, тамъ молоко пили. Ночь такая душная. Ахъ, Боже мой, Боже мой! И надо же было, а мы-го, а мы-то! Надечка, я у васъ побуду, можетъ быть, понадобится что, въ аптеку сбѣгать... можно?

Надя. Да конечно же! Мы совѣмъ одни. (Снова плачетъ.)

Нечаевъ. Если я тутъ мѣшать буду, я въ саду посижу, вы только кликните меня. Не плачьте, ей Богу не надо!

Изъ спальни выходитъ докторъ Веревитинъ, старый пріятель Мацева. Говоритъ обычно громко, зная, что умирающій ничего теперь не слышитъ.

Нечаевъ (почтительно). Здравствуйте, Иванъ Акимычъ!

Веревитинъ. А, ваше благородіе! Гулять ходили? Жаркій сегодня денекъ. Ты вотъ что, Надюша...

Надя. Какъ папа?

Веревитинъ. Ничего, голубчикъ, ничего, все такъ же. Выкрутитесь Никола, не бойся, у него организмъ-то бычачій. А ты вотъ что, дружокъ, вели-ка тамъ дать мнѣ чего-нибудь перекусить, съ утра не ѣлъ...

Надя (весело). Сейчасъ, Иванъ Акимычъ!

Веревитинъ. Да погоди, вели еще водочки мнѣ дать. Ну ступай!

Надя быстро выходитъ.

Веревитинъ. Фухъ, душная какая ночь, дышать нечѣмъ. Второй уже часъ, однако. Такъ какъ же, ваше благородіе—хорошо изволили погулять? Кистель-то у васъ какъ запылелся. Гдѣ были?

Нечаевъ. Въ Покровскомъ, молоко пили.

Веревитинъ. Ого! Далеко.

Нечаевъ. Иванъ Акимычъ—что, плохо?

Веревитинъ. Надо второго ожидать, а въ общемъ ничего неизвѣстно. Хоть такіе дубы, какъ вотъ мы съ нимъ, именно съ одного раза и валятся, но... Кто знаетъ, кто знаетъ! Я не знаю. А говорилъ ему, ой, Никола, чернѣешь, пусти кровь! Не захотѣлъ, смѣется, а вотъ Кондратій Иванычъ и пришелъ. Жара еще тутъ. Что это—будто разокъ громъ тутъ былъ слышенъ? Не гроза?

Нечаевъ. Сбиралась, да мимо прошла. Впрочемъ всю дорогу гдѣ-то сверкало. Ужасная духота!

Веревитинъ. Зарпнцы, должно быть.—Что, водочка?

Заплаканная Мароа молча стапнть водку и закуску.

Веревитинъ. Давай, давай, матушка—какъ звать-то забылъ, ты у нихъ недавно?

Мароа. Второй ужъ годъ. Мароой зовите, баринъ.

Веревитинъ. Ну не помню, прости. (Наливаетъ рюмку и съ удовольствіемъ пьетъ). А все вотъ отъ чего,—отъ водочки, вотъ кто погубительница-то наша, врагъ рода человѣческаго! (Снова наливаетъ). А вы рюмочку?

Нечаевъ. Нѣтъ, какъ можно! Да вѣдь Николай Андреевичъ ничего и не пилъ, совершенно?

Веревитинъ. Теперь совершенно, а посмотрѣли бы на него раньше. Да! Такихъ на очереди у меня еще трое. Алексѣй Иванычъ Чикильдѣевъ, пожалуй, Поповъ, Стенанъ Гаврилычъ, да я, третій. Александру Петровну мнѣ жалко, хорошій она человѣкъ!

Нечаевъ. Боже мой, Боже мой, какъ все это неожиданно и... Ивашъ Акимычъ, а отчего за родными не послали, никого иѣтъ?

Веревитинъ. За Петромъ Петровичемъ, дядей, посылали, да онъ еще вчера на дачу уѣхалъ, только завтра вернется. Да и зачѣмъ они?—только лишній шумъ, да слезы. Такъ-то въ тишинѣ лучше... (Вошедшей Надѣ). Ну что, дружокъ?

Надя. Сейчасъ жареное будетъ, Ивашъ Акимычъ, разогрѣваютъ.

Веревитинъ. Напрасно хлопочешь, душечка, я ужъ закусилъ и выпилъ. Когда теперь жарить.

Надя. Это ничего, Иванъ Акимычъ, это отъ обѣда осталось. Я очень рада. Я сейчасъ у Васи была, онъ проснулся и сюда хотѣлъ, но я не пустила.

Веревитинъ. И правпльно, нечего ему тутъ дѣлать!

Нечаяевъ. А мама?

Веревитинъ. Они всё въ спальнѣ, пусть ихъ. Ваше благородіе, угостите-ка папирочкой, я свои всё выкурилъ.

Нечаяевъ. Извините, Иванъ Акимычъ, нѣтъ, также всё за дорогу...

Надя. Я сейчасъ папиныхъ изъ кабинета принесу. Только вы не уѣзжайте, Иванъ Акимычъ, дорогой!

Веревитинъ. Никуда я не уѣду.

Надя выходитъ.

Веревитинъ. Я самъ нынче на дачу собирался, такъ все равно ужъ, тутъ почевать буду. Эхъ, Никола, Никола,—а давно ли на именинахъ гуляли. Что, Мароуша, жареное?

Мароша. Барапина.

Веревитинъ. Ну давай баранину—баранина, такъ баранина. Съ утра нынче не ѣлъ, такъ вотъ теперь и захотѣлось. А что... все забываю какъ васъ зовутъ... Корнѣй Иванычъ, да!—на какомъ теперь курсѣ Всеволодъ?

Нечаяевъ. На четвертый перешель.

Веревитинъ. Недолго, значить, до окончанія осталось, это хорошо, надо семью поддерживать, семья-то не маленькая. У меня у самого, батенька, пять штукъ, да еще всё попеченія требуютъ. Сдохну, нищими останутся... А, это ты, тетка! Ну что тамъ?

Вышла изъ спальни тетя Настя и съ тѣмъ же неподвижно горестнымъ лицомъ присѣла къ столу.

Тетя. Ничего, все то же.—Иванъ Акимычъ, а отчего онъ все дышитъ ровно-ровно, а потомъ вдругъ вскрипнетъ?

Веревитинъ. И мы съ тобой будемъ всхрипывать, какъ Кондратій придетъ. Да къ тебѣ не придетъ, ты Коцей безсмертный. Ледъ мѣняла?

Тетя. Мѣняла. А такой лежитъ, какъ будто спитъ и грудь подымается ровно?

Веревитинъ. Да, грудь широченная, какъ площадь мощеная. Да ты погоди, Настасья, не обмокай, вѣдь я еще и самъ ничего не знаю. Вѣдь сила-то у него не твоя, такъ что жъ ты раньше времени!..

Надя (вошла). Насилу отыскала папирасы, онѣ въ ящикѣ. Вотъ, Иванъ Акимычъ, курите. Корнѣй Иванычъ, берите. А тамъ ничего?

Нечаяевъ. Ничего, все хорошо. (Тихо). Надежда Николаевна, я тутъ боюсь помѣшать, я лучше въ саду посижу. Вотъ папирочекъ возьму и... Въ случаѣ нужды я тутъ же, на террасѣ. П Павлушѣ скажите, что я тутъ, если спросить. Кажется, есть надежда, слава Богу.

Надя (крестится). Слава Богу! Хорошо, идите, голубчикъ, я тогда позову. Нечаяевъ, осторожно ступая, выходитъ. Въ черныхъ окнахъ слабый мгновенный свѣтъ далекой глухой молнии.

Веревитинъ. Проголодался я. Тетка, ты бы съ нами посидѣла, что стоишь. Все равно тамъ ничего не сдѣлаешь.

Тетя. Ничего.

Надя. Ты куда, тетя?

Тетя. За льдомъ.

Надя. Такъ зачѣмъ же ты сама? Я сейчасъ!

Быстро выходитъ.

В е р е в и т и н ъ. Тетка, па дачу я ужъ опоздалъ, я у васъ лягу. Приготовь мнѣ на диванчикѣ. Ты провиантъ покупаешь?—хорошая баранина, надо сказать себѣ взять.

Т е т я. Я тебѣ въ кабинетѣ приготовлю. Окна не закрывай, а то жарко къ утру будетъ. Тебѣ простыню или одѣяло?

В е р е в и т и н ъ. Простыню, развѣ теперь подъ одѣяломъ проспнешь! А мухъ у васъ много?

Т е т я (сѣ тѣмъ же неподвижнымъ лицомъ). Мухъ нѣтъ, Коля ихъ самъ не выноситъ.

Н а д я (приноситъ небольшое ведерко со льдомъ, поясня). Я сама, а то Петръ очень стучитъ.

Осторожно входить въ спальню.

Т е т я (ни къ кому не обращаясь). На кого они останутся?

В е р е в и т и н ъ (сердито). Да погоди ты отпѣвать раньше времени! Характерецъ у тебя кремневый, а распустилась ты, какъ кисель. На кого останутся!

Т е т я (все также). А на кого я останусь?

Изъ спальни выходятъ вмѣстѣ Всеволодъ и Надя. У Всеволода успокоенное лицо.

В е р е в и т и н ъ. Ну какъ?

В с е в о л о д ъ. Мнѣ кажется, что пока ничего,—какъ вы думаете, Иванъ Акимычъ?

Н а д я. Онъ какъ-будто заснулъ. Правда, Иванъ Акимычъ?

В е р е в и т и н ъ. Ну и слава Богу. А мать?

В с е в о л о д ъ. Она тамъ хочетъ сидѣть. Я ее звалъ сюда, но она не идетъ. Я тамъ окно открылъ, ничего? Душно очень и мнѣ кажется, что свѣжій воздухъ будетъ полезенъ.

Тетя молча поднимается и уходитъ въ спальню. За ней слѣдятъ глазами.

В е р е в и т и н ъ. Да, да, свѣжій воздухъ, отчего же? А я и не замѣтилъ, что тамъ закрыто.

В с е в о л о д ъ. Я такъ и подумалъ, что хорошо. А мы, Иванъ Акимычъ, пошли съ Нечаевымъ гулять, да и забрались...

Н а д я. Онъ здѣсь, Сева. Онъ на террасѣ сидитъ, не хочетъ тутъ мѣшать. Онъ такой добрый!

В е р е в и т и н ъ. Да кому онъ помѣшаетъ? Зовите его сюда, что жъ онъ въ темнотѣ сидѣть-то будетъ.

В с е в о л о д ъ. Я позову.

Выходить.

В е р е в и т и н ъ. А ты вотъ что, Надечка, дружокъ, проспль я твою тетку въ кабинетѣ мнѣ диванъ приготовить, да она въ такомъ разстройствѣ...

Н а д я. Вамъ въ кабинетѣ? Я сейчасъ!

В е р е в и т и н ъ. Да въ кабинетѣ, что ли. Вели-ка, дружокъ!

Н а д я. Я сама.

В е р е в и т и н ъ. Ну сама.—Постой, постой! Про лошадь-то я забылъ. Скажи ты моему, чтобы распрячь...

Входятъ Всеволодъ и Нечаевъ—и почти въ ту же минуту въ спальнѣ раздается крикъ или плачь. Открывается дверь и тетка съ вытаращенными отъ ужаса глазами кричитъ:

Т е т я. Иванъ Акимычъ! Умираетъ Коля!

Скрывается. Веѣ, за исключеніемъ Нечаева, почти бѣгутъ въ спальню. Оттуда ничего не слышно, Нечаевъ, хватаясь за голову, суется по комнатѣ, смотритъ въ открытое окно и снова ходитъ.

Н е ч а е в ъ. Какой ужасъ! Господи, какой ужасъ!

Всеволодъ выглядываетъ изъ спальни.

В с е в о л о д ъ. Кориѣй, позови Васю!

Скрывается. Нечаевъ въ нѣкоторой нерѣшимости, не понимая. Быстро выбѣгаетъ Надя, плачетъ.

Н е ч а е в ъ. Что? Что? Что?

Н а д я. Я за Васей. Мама велѣла. Умираетъ.

Нечаевъ ходитъ. Обратно, почти пробѣгаетъ Надя съ помертвѣвшимъ, безгласнымъ Васей, одѣтымъ въ одну почную сорочку. Тамъ тишина. На дворѣ поютъ пѣтухи. Въ дверь столовой заглядываетъ Мароа, Петръ и еще кто-то.

М а р о а. Кончается баринъ? (Плачетъ).

Н е ч а е в ъ. Да.

Изъ спальни выходитъ Веревитинъ и молча, на ходу, плача и утирая слезы рукой, ходитъ по столовой. Нечаевъ забился въ уголь. Выходитъ Всеволодъ и, закрывъ лицо руками, неподвижно стоитъ по серединѣ комнаты, заставляя шагающаго доктора обходить его. Въ беспорядкѣ выходятъ остальные. Помертвѣвшій Вася со страхомъ озирается, старается къ кому-нибудь прижаться, но его отталкиваютъ. Прижимается къ тихо плачущей сестрѣ и черезъ ея голову смотритъ.

А л е к с а н д р а П е т р о в н а. Коля!.. Что же это? Нѣтъ, что же это? Коля! Колечка! Голубчикъ мой, Колечка!

Н е ч а е в ъ. Александра Петровна! Боже мой, вамъ воды! Господи! Сева, да какъ же это?

В с е в о л о д ъ (отстраняя его). Пусти!

Т е т я (она не плачетъ, но все лицо у нея дрожитъ; вдругъ громко почти кричитъ). Нѣтъ, ты его не знала! Ты его не знала! Его никто не зналъ! Коля, мой Коля! Братъ ты мой, Колечка! Умеръ, голубчикъ, умеръ.

А л е к с а н д р а П е т р о в н а (также кричитъ и даже топаешь ногой). Да какъ же тебѣ не стыдно передъ Богомъ! Да какъ же я его не знала! Безсовѣстная ты! Безсовѣстные вы все. Колечка мой, другъ мой, одна моя!.. О, Господи, Господи!

Т е т я. Саша, родная моя, одинъ мы, одинъ мы съ тобой... (обнимаетъ зловку и обѣ вмѣстѣ плачутъ).

В с е в о л о д ъ и **Н а д я** (вмѣстѣ). Мама!

В а с я (вдругъ кричитъ съ плачемъ). Мама! Перестань! Мама!

А л е к с а н д р а П е т р о в н а (отрываясь отъ тетп и судорожно крѣпко обнимая Всеволода). Всеволодъ! Севочка! Ты одинъ теперь... Ты одна наша... Сева, Севочка! Вѣдь умеръ папа!

В с е в о л о д ъ (плача, но твердо). Я съ тобою, мама, я съ тобою.

А л е к с а н д р а П е т р о в н а. Севочка! Я не могу!..

Валится на колѣни, цѣпляясь за его руку. Къ ней бросаются Надя и Вася и все трое съ плачемъ и безсвязными восклицаніями окружаютъ Всеволода.

Надя. Сева! Севочка!

Всёволодъ (плача и глядя волосы матери). Я съ тобою мама! Я съ тобою!

Только теть Настя стоитъ въ сторонѣ—заложивъ безсознательно руки въ бока, дрожа веѣмъ лицомъ, она смотритъ на этихъ.

Тетья. Да-да-да! Да-да-да! Да!

З а н а в ѣ с ь .

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ, ВТОРАЯ КАРТИНА.

П о с л ѣ п о х о р о н ѣ .

Знойныи полдень. Уголокъ сада Мацневыхъ. Четыре высокихъ и кряжистыхъ тополя составляютъ какъ бы тѣнистую бесѣдку; здѣсь нѣсколько простыхъ, безъ спинокъ, деревянныхъ некрашеныхъ скамеекъ. Кругомъ густыя заросли малины, широкіе кусты крыжовника и смородины; дальше молодой, но пышный фруктовый садъ, яблони и груши. Возлѣ дорожекъ трава полна цвѣтовъ и высока—почти до пояса. Неподвижный воздухъ весь гудитъ, какъ тугая струна—такъ много въ травѣ пчелъ, осъ и всякой другой жизни.

Подъ тополями дорожка развѣтвляется и идетъ къ дому вдоль двухэтажнаго, бревенчатого амбара-сарая съ нѣсколькими небольшими конюшными оконцами. За угломъ амбара, въ гущѣ высокихъ березъ и кленовъ, терраса, на которой въ настоящую минуту оканчивается поминальный обѣдъ. Террасы отсюда не видно, доносится только сдержанный гулъ голосовъ и стукъ посуды. Одинъ разъ попы и обѣдающе поютъ «вѣчную память».

Подъ тополями собралась молодежь, бывшая на похоронахъ, но уклонившаяся отъ обѣда. Здѣсь Зоя Николаевна, Катя и Столярова; гимназистъ Кореневъ, офицеръ Нечаяевъ. Всѣ дѣвушки въ черныхъ платьяхъ. Говорятъ не громко, съ большими паузами.

Кореневъ. Смотрите, господа, сегодня къ вечеру опять гроза соберется. Ну и жара!

Нечаяевъ. Да, парить. Зоя Николаевна, вы гдѣ вчера находились, когда эта молнія хватила?

Зоя. Дома сидѣла. Да у насъ было не такъ сильно.

Нечаяевъ. А мы думали, что прямо въ крышу.

Столярова. А я въ ряды ходила и сразу вся промокла. На подѣздѣ спряталась.

Катя. Испугалась?

Столярова. Конечно, нѣтъ.

Катя. Ну и врешь, испугалась! А я какъ гроза, такъ всѣ подушки себѣ на голову и лежу ни жива, ни мертва. Охъ, Господи, батюшки, да когда же они кончатъ ѣсть! И какъ они могутъ, мнѣ кусокъ въ горло бы не пошелъ. Безчувственные какіе-то!

Кореневъ. Языческій обычай, тризна надъ умершимъ.

Катя. Ну вы тоже, язычникъ! А если хочется, такъ подите, кушайте себѣ, васъ никто тутъ не держитъ. Язычникъ тоже!

Кореневъ. Но позвольте, при чемъ...

Нечаяевъ. Всеволоду трудно, онъ въ такомъ состояніи, а тутъ надо занимать разговорами, угощать...

Катя. Да неужели еще разговорами занимать? Ей-Богу, безчувственные! А Севочка нашъ молодецъ, я сегодня въ церкви въ него влюбилась, такъ вы и знайте. Такой блѣдный, такой красивый, такой серьезный... бѣдненькій, такъ бы на шею ему и бросилась!

Столярова. Александру Петровну два раза изъ церкви выносили.

Умолкають.

Нечаяевъ. Вамъ жаль, Зоя Николаевна?

Зоя. Да. Миѣ Николая Андреича жаль.

Нечаяевъ. Онъ васъ очень любилъ, я знаю.

Умолкають.

Катя. Гдѣ-то моя Надюшка несчастненькая? Неужто и она этихъ идиоловъ безчувственныхъ занимаетъ! Вотъ недоставало, прости Господи!

Нечаяевъ. Нѣтъ, она съ Александрой Петровной. Вы очень печальны, Зоя Николаевна.

Зоя. Да.

Кореневъ. А какой у дяди садъ роскошный, густота какаля!

Катя (съ гордостью). Самъ Николай Андреичъ насадилъ. Столярова, хочешь пойдешь посмотрѣть? Вставай.

Кореневъ. Пойдите, опять поють.

Молчаніе. На террасѣ нестройно поють «вѣчную память».

Гимназистъ (баскомъ подпѣваетъ). Вѣчная память... вѣчная память. Кончили.—Ну, пойдете, и я съ вами. По какой дорожкѣ пойдете?

Катя. По этой. Я тутъ каждую яблочку знаю, онъ самъ миѣ показывалъ. Онъ не одну Зойку любилъ, а и меня тоже.

Кореневъ. Да, жалко дядю Колю.

Скрываются за поворотомъ.

Нечаяевъ. Значитъ, осенью въ Москву, Зоя Николаевна?

Зоя. Да, Корнѣй Иванычъ! Отчего все такъ просто? Вотъ умеръ человекъ, и какъ будто ничего не случилось, и мы опять въ саду сидимъ. Промелькнула какая-то тѣнь, чьи-то рѣсеницы взмахнули, что-то стало ясно на минуту—и опять закрылось. Садъ!.. Вчера я еще понимала, что Николай Андреичъ умеръ и это было ужасно, а сегодня уже не понимаю. Умеръ... Это правда, что онъ умеръ?

Нечаяевъ. Правда, Зоя Николаевна. Я, къ сожалѣнію, не умѣю объяснить, но такъ надо, вѣроятно.

Зоя. И какъ только зарыли человекъ въ землю, такъ необходимо тотчасъ же начать забывать. И мы все его забудемъ, такъ надо.

Нечаяевъ. Но Всеволодъ потрясенъ. Я еще никогда не видалъ его такимъ и я даже не совѣмъ понимаю... Ахъ, если бы вы все знали, Зоя Николаевна!

Зоя. Что все?

Нечаяевъ. Такъ! Но до этого дня Всеволодъ былъ моложе меня на годъ, а теперь сталъ на десять лѣтъ старше. И какъ я его люблю—Боже мой, какъ я его люблю! Когда онъ сегодня одинъ, впереди вѣхъ, безъ фуражки шелъ за гробомъ, я не смѣлъ подойти къ нему.

З о я (ласково глядя на него). Вы очень хорошии человекъ, Корнѣй Ива-
нычъ.

Н е ч а е в ъ (рѣшительно). Не говорите такъ!

З о я. Почему? Нѣтъ—вы очень хорошии, вы даже удивительный, я сегодня
смотрѣла на васъ. И у васъ такіе хорошиіе глаза!

Н е ч а е в ъ (волнуясь). Зоя Николаевна... нѣтъ, не говорите такъ! И не
смотрите такъ на меня, слышите... простите, что я такъ, но не надо! Я просто...
скотина!

З о я (тихо улыбаясь). Вы-то?

Н е ч а е в ъ. Нѣтъ, это фактъ... ахъ, Зоя Николаевна, какой это вообще
ужасъ! Вы чистая дѣвушка, но если бы вы знали, до какой низости, до какого па-
денія можетъ дойти человекъ, какія у него могутъ быть подлыя, коварныя, отвра-
тительныя мысли. Нѣтъ, это что же! Это невозможно!—Постойте, тамъ кажется
кончили, сейчасъ все пойдутъ сюда...

З о я. Я не хочу, тогда я уйду. Миѣ невыносимо видѣть...

Н е ч а е в ъ. Нѣтъ, нѣтъ,—но послушайте! Если... если мой Богъ миѣ
позволить, то я тоже—переведусь въ Москву. Нѣтъ, это что же, вы подумайте!

З о я. Какой вашъ Богъ? Развѣ у васъ особенный?

Н е ч а е в ъ. Особенный, да. Но если (бьетъ себя въ грудь) позволить...
Идутъ. (Скороговоркой, шопотомъ). Или—сдохну, фактъ.

На дорожкѣ показываются Катя и остальные. У Кати въ рукѣ большой букетъ жасмина.

З о я (также шопотомъ). Что вы говорите, Корнѣй Иванычъ?!

Н е ч а е в ъ. Если вы... хоть немного цѣните меня, то—молчите. Я ско-
тина.—Идутъ.

К а т я (сажаясь). Тамъ, кажись, кончили, надо и намъ по домамъ. Пови-
даемъ Надюшу, да и айда. Господи, какой еще длинный день, и что бы такое при-
думать? Столярова, пойдѣмъ ко миѣ, а потомъ вмѣстѣ купаться.

С т о л я р о в а. Пойдемъ.

К а т я. Ты на спинкѣ умѣешь?

С т о л я р о в а. Конечно, умѣю.

К а т я. Врешь, поди? А я, матушка, какъ на спинку повернусь, такъ и
поминай, какъ звали, съ водолазами не найдешь. Ну тише, ты!—вонъ идетъ. Мп-
ленькій мой!

Отъ дома къ сидящимъ идетъ Всеволодъ, здоровается, какъ будто раньше никого не видалъ.
Блѣденъ и серьезенъ; впечатлѣние такое, словно при разговорѣ не сразу все слышитъ и пони-
маетъ. Но старается до известной степени быть какъ все.

К а т я (привставая, очень почтительно). Здравствуйте, Всеволодъ Нико-
лаевичъ!

Н е ч а е в ъ. Разошлись, Всеволодъ?—усталъ ты съ ними, братъ.

В с е в о л о д ъ. Нѣтъ ничего.—Тамъ еще кое-кто остался.—Жаркій
сегодня день.

Садится и закуриваетъ. Почтительное молчаніе.

К а т я. Всеволодъ Николаевичъ, это ничего, что мы у васъ жасмину па-
рвали. Это миѣ на память.

В с е в о л о д ъ. Ничего, пожалуйста. У насъ много цвѣтовъ.

Молчаніе.

К а т я. Ну мы не будемъ вамъ мѣшать, Всеволодъ Николаевичъ, мы только Надю хотѣли повидать. Можно?

В с е в о л о д ъ. Она съ мамой. Тамъ и дядя Петръ.—Миша, я забылъ, дяди велѣлъ тебѣ сказать, что вы сегодня на дачу не поѣдете.

К о р е н е в ъ. Хорошо.

Н е ч а е в ъ. А какъ Александра Петровна?

В с е в о л о д ъ. Ничего.—Жаркій сегодня день.—Вы тетю Настю не видели?—она въ садъ, кажется, пошла.

К а т я. Видѣли. Она на круглой скамеечкѣ сидитъ, одна, да мы съ Столяровой побоялись подойти. Вамъ ее позвать, Всеволодъ Николаевичъ?

В с е в о л о д ъ. Нѣтъ, я такъ.—Ну что, Корнѣй?

Н е ч а е в ъ. Ничего, братъ, сижу.

В с е в о л о д ъ. Посиди.

Н е ч а е в ъ. Да я и не ухожу.

К а т я. Ну, а мы идемъ. Вставай, Столярова. (Также почтительно). До свиданія, Всеволодъ Николаевичъ. Скажите, пожалуйста, вашей сестрѣ, что я завтра прииду, а если ей нельзя будетъ такъ ничего, я въ садочкѣ посижу. А собака ваша насъ не тропетъ?

В с е в о л о д ъ. Нѣтъ, она никого не трогаетъ.

З о я. И я съ вами. Нѣтъ, провожать не надо, Корнѣй Ивановичъ, до свиданія, Всеволодъ Николаевичъ!—Всеволодъ Николаевичъ!

В с е в о л о д ъ. Что, Зоя Николаевна?

З о я. Нѣтъ, ничего.

Рѣшительно, впереди другихъ, уходитъ. Катя еще разъ слегка приеѣдаетъ Мацневу, гимназистъ крѣпко трясетъ руку. Уходятъ. Молчаніе.

Н е ч а е в ъ. Она сегодня очень волнуется.—Всеволодъ, ты, быть можетъ, хочешь прилечь? Лягъ, а я съ твоими побуду.

В с е в о л о д ъ. Нѣтъ, я не хочу.

Н е ч а е в ъ. Ты двѣ ночи не спалъ.

В с е в о л о д ъ. Такъ что же? Нотомъ сосну.—Корнѣй!

Н е ч а е в ъ. Что, голубчикъ?

Но Всеволодъ задумался и молчитъ. Нецаевъ со страдающимъ лицомъ смотритъ на него.

В с е в о л о д ъ. Чѣмъ это пахнетъ?

Н е ч а е в ъ. Я не совѣмъ понимаю тебя. Ладаномъ, кажется, пахнетъ, но совѣмъ немного. Ты про это?

В с е в о л о д ъ. Нѣтъ. Хорошо пахнетъ. Да, смородиной. Какъ пахнетъ!

Н е ч а е в ъ. Тутъ, вообще, братъ, такое благоуханіе, чего только нѣтъ. Это послѣ вчерашняго дождя и вообще удивительный, братъ, росъ травъ! Когда мы тутъ были послѣдніи разъ?—и трава была всего по колѣно, а сеічасъ, смотри, по поясъ! Миѣ почти по поясъ. Какъ это говоритъ Пушкинъ, и равнодушная природа красою вѣчною сіять. И вѣрно, красою вѣчною сіять!

В с е в о л о д ъ. Нѣтъ, она не равнодушная, это невѣрно. Ты слышишь, какъ они жуужаютъ, сколько въ травѣ всякой жизни. Сегодня обратно съ кладбища я ѣхалъ, не знаю, почему—съ Веревитинымъ, на его лошади, и знаешь—еще никогда миѣ не казалось все... такимъ красивымъ и...

Н е ч а е в ъ. И?..

В с е в о л о д ъ. Не знаю, не могу найти слова.—Иванычъ, ты иди лучше домой.

Н е ч а е в ъ. Хорошо, голубчикъ. А когда опять прийти? Я вечеромъ зайду, ладно?

В с е в о л о д ъ. Ладно.—Корнѣй, сейчасъ не время говорить, по...

Н е ч а е в ъ. Да и не надо, Севочка, успѣется. Ты такъ усталъ...

В с е в о л о д ъ. Ты помнишь... наше рѣшеніе? Ну ты знаешь, о чемъ я...

Н е ч а е в ъ. Знаю.

В с е в о л о д ъ. Такъ это... ну глупости, что ли. Надо жить.

Молчаніе. Нечаевъ взволнованъ.

Н е ч а е в ъ. Всеволодъ! Ты не подумай пожалуйста, что я какъ-нибудь лично за себя, хочу отвертѣться и такъ далѣе—пожалуйста, Всеволодъ! Миѣ что! Если даже хочешь то-есть, если бы такъ нужно, то я могу покончить и одинъ, но ты... Извини, братъ, но ты долженъ жить. На тебѣ обязанности, Всеволодъ!

В с е в о л о д ъ (медленно). Нѣтъ, это не то, Иванычъ. Но помнишь, ты сказалъ тогда, что жизнь прекрасна? Она не прекрасна, но... Въ эти двѣ ночи, когда я ходилъ по двору или по саду, въ темнотѣ, или былъ около отца, я очень страдалъ, что ли, но... Нѣтъ, потому.

Поднимаетъ голову и широко и медленно оглядывается. Улыбается слегка.

В с е в о л о д ъ. Вонъ Васькина западня. Открыта. Должно быть ничего не попало. Такъ, иди, Иванычъ.—Нѣтъ, погоди. Вотъ еще что, потому не знаю, какъ скажу. Я относительно Зои.

Н е ч а е в ъ. Оставь, Сева, не надо! Какая теперь... Зоя!

В с е в о л о д ъ. Зоя по-гречески значитъ—живая, живущая, я сейчасъ только сообразилъ.

Н е ч а е в ъ (бормочетъ). Не знаю, можетъ быть... Не надо, Сева, миѣ больно.

В с е в о л о д ъ. Не будь такимъ ребенкомъ, Корнѣй. Зачѣмъ скрывать? И смущаться не надо. И разъ мы рѣшаемъ остаться жить, то вотъ я хотѣлъ тебѣ сказать. Зоя осенью ѣдетъ въ Москву. Переводись и ты, и...

Н е ч а е в ъ (слегка бьетъ себя въ грудь). Но мой Богъ, мой Богъ миѣ этого не позволить. Не надо, Всеволодъ!

В с е в о л о д ъ. Нѣтъ, надо, Иванычъ.

Н е ч а е в ъ. И какъ же ты... и какъ же я... Чушь, опять все то же мое скотство. У тебя скончался отецъ, ты и такъ ограбленъ, ты и такъ лишенъ... а тутъ еще я стану отнимать! И я только потому слушаю тебя, что ты въ такомъ сейчасъ состояши, но—не надо, Сева! Если бы еще ты совѣмъ ея не любилъ...

В с е в о л о д ъ. Я ея не люблю, а она тебя любитъ, миѣ такъ показалось, давно уже.—Ну не надо больше, только знай. Дай руку.

Н е ч а е в ъ (крѣпко и долго жметъ руку). Сева,—я вѣрю тебѣ, что ты это дѣлаешь не изъ презрѣнія ко миѣ, но мой Богъ, мой Богъ! Но вы все, вы все, зовете меня на мерзость и я, кажется, дѣйствительно, подлець.—Ну, ну, не обращай вниманія, я пойду.—А ты прилягъ, голубчикъ—миленькій ты мой, Севочка, другъ ты мой, красота ты моя! Дай же я тебя поцѣлую.

Цѣлуетъ Всеволода и потомъ отчаянно машетъ рукой. Оправляется и говоритъ дѣловымъ тономъ.

Ап. М. Васнецовъ.

«Въ осадное сидѣнне».

Троицкій мостъ и башня Кушафья въ концѣ XVI вѣка.

aus dem Original von 1550

Нечаяевъ. Значитъ, до вечера, Всеволодъ. Ты тутъ будь спокоенъ, я сейчасъ зайду посмотрѣть, какъ тамъ Александра Петровна. Какъ паритъ, опять гроза будетъ. До свиданія.

Всеволодъ. До свиданія, Иванычъ. Я буду ждать тебя. Если тамъ что-нибудь, то скажи... мнѣ, правда, хочется здѣсь отдохнуть.

Нечаяевъ. Будь спокоенъ.

Уходитъ, сдерживая трепканье шпоръ. Всеволодъ одинъ. Разстегиваетъ китель, широко и какъ бы съ удивленіемъ оглядывается. Медленно подходит теть Настя, молча, въ своей обычной позѣ, заложивъ руки въ бока, останавливается передъ Всеволодомъ, молча смотреть на него.

Всеволодъ. Ну что, тетечка? Устали вы сегодня съ народомъ.

Тетя. Ничего.

Всеволодъ. Посидите со мной.

Тетя (не садясь). Ничего. Всеволодъ, сказалъ бы ты Петру, чтобы онъ прививки перевязалъ, я сейчасъ три ужъ подвязала, а одинъ сломался. И рамы отъ парника такъ и брошены.

Всеволодъ. Хорошо, тетя, я скажу.

Тетя. Такъ и валяются, а онѣ денегъ стоятъ. Тамъ на террасѣ дядя и Иванъ Акимычъ чай пьютъ, ты не пойдешь?

Всеволодъ. Нѣтъ, мнѣ туда не хочется... или надо идти?

Тетя. Зачѣмъ это надо, и одинъ посидятъ. Такъ я тебѣ сюда принесу.— Всеволодъ, а я черезъ девять дней хочу въ Сѣвскъ, я ужъ Прасковью написала.

Всеволодъ. Да что вы, тетя! Зачѣмъ?

Тетя. А кому я тутъ нужна? Колѣ я нужна была, а вамъ я зачѣмъ. Нѣтъ ужъ. Семья у тебя большая, тебѣ теперь и такъ будетъ трудно, а тутъ еще я на шею сяду. Слава Богу, работать еще могу.

Всеволодъ быстро встаетъ и крѣпко, съ пѣжностью обнимаетъ и цѣлуетъ слегка отворачивающуюся тетку.

Всеволодъ. Да что вы, тетя, да какъ же вы могли подумать! Ахъ ты чудачка какая! Ахъ старушка моя глупая, старушечка... Да вы мнѣ теперь въ тысячу разъ дороже еще стали, чѣмъ... И развѣ я не его сынъ? Тетя?

Плачетъ, закрывая глаза. Тетя также молча и открыто плачетъ, не скрывая лица; потомъ аккуратно вытираетъ слезы и говоритъ.

Тетя. Ну значитъ, дура я. Какъ мать?—я ее сегодня весь день не видала.

Всеволодъ. Ничего, хорошо. Съ пей Надя.

Тетя. Ну я пойду, Севочка, надо комнатами заняться. Платить всеѣмъ ты самъ будешь, или мнѣ поручишь? Давай ужъ мнѣ, а то тебя еще обманутъ.

Всеволодъ. Хорошо, тетя.

Показывается Вася. Сперва идетъ быстро, но у скамейки замедляетъ шаги и скромно садится на край. Одѣтъ въ полотняную парочку, ремешный съ бляхой поясъ, за который онъ часто беретъ руками.

Тетя. Ты что, Вася?

Вася. Я такъ. Пришелъ. Тутъ можно мнѣ?

Всеволодъ. Можно, Васюкъ, посиди.

Тетя. Сева, тебѣ кто крепъ дѣлалъ?

Всеволодъ. Не знаю, кажется, Надя.

В а с я. Мнѣ тоже Надя дѣлала.

Т е т я. Надо было мнѣ этимъ заняться, да ужъ... стара я стала. Я сейчасъ чаю принесу, посиди, попей. Колечка тутъ любилъ чай пить.

В с е в о л о д ъ. Да зачѣмъ вы сами?—вонъ Васюкъ принесетъ.

В а с я. Я принесу, только скажите что.

Т е т я. Ну сиди, сиди, егоза. Тоже—герой! Принесу!.. ты его такъ принесешь, что одни черепки останутся. Сиди ужъ!

Медленно уходить.

В с е в о л о д ъ. Васюкъ, поиди сюда, сядь. (Обнимаетъ его и голову прижимаетъ къ своему боку). Хорошо у насъ въ саду? Тебѣ нравится?

В а с я. Нравится, а тебѣ?

В с е в о л о д ъ. Мнѣ тоже. Это твоя клѣтка, ничего не попалося.

В а с я. Я знаю, что ничего.—Сева, а тебѣ жалко папочку?

В с е в о л о д ъ. Жалко, Васючокъ.

В а с я. А отчего жъ ты не плакалъ?

В с е в о л о д ъ. Такъ. Не все могутъ плакать.

В а с я. Я тоже не плакалъ, Сева, а ты теперь меня любишь?

В с е в о л о д ъ. Люблю, милый, очень люблю.

Всеволодъ цѣлуетъ его.

В а с я. Папочка говорилъ, что меня надо больше цѣловать, чтобы я скорѣе росъ большой. Это правда, что отъ этого скорѣе человѣки растутъ?

В с е в о л о д ъ. Правда.

В а с я. Какъ отъ воды? Сева, какъ отъ воды? Ты что молчишь, Сева! Какъ отъ воды?

В с е в о л о д ъ. Да, какъ отъ воды.

Молчаніе. Всеволодъ обнимаетъ Васю, такъ сидятъ.

В а с я. Сева, посмотри-ка!

В с е в о л о д ъ. Что посмотреѣть?

В а с я. Бляха на поясѣ. Какъ блеститъ, ты видишь? Какая чистая!

В с е в о л о д ъ. Да, очень чистая.

В а с я. Это я ее сегодня кирпичомъ начистилъ. Какая чистая! Сева, а мнѣ надо весь день обувши ходить?

В с е в о л о д ъ. Нѣтъ! Чего ради? Разувайся себѣ, жарко.

В а с я. Хорошо. Я потомъ разуюсь. Можетъ быть, завтра разуюсь, а можетъ быть сегодня...

Сидятъ молча въ той же позѣ.

З а н а в ѣ с ь .

Л е о н и д ъ А н д р е е в ъ .